

АЛЕКСАНДР УЛАНОВ

1997 N29

* * *

С октября по декабрь - на Луне это самый сезон.
Веселясь, выкипает азот, зеленеет газон.
Если точно ты знаешь, что будет с тобой через месяц,
то, пожалуй, подальше сбежишь, чем Язон и Назон.

Но во Фрайбурге мюнстер, но Маульбронн, Аугсбург,
Лех,
Кроплин, Саутер, Шрем, Хирцель, Вюст - нету места
на всех.
Имена, голоса. Чуть подросшие помощь и память.
Новый сети клочок над одной из прорех.

* * *

Старый дождь в садах у дороги
и трилистники света растут
зашивая субботу потрогай
лепестки уходящих минут
многолетней бабочкой черной
и росой на птичьем крыле
безнадежнее и упорней
неожиданно в том числе

* * *

Это не отражение, а алфавит
до тростника, созвездия и черепка.
Это не снег на холме под солнцем,
а изъеденный осами плод,
ночь подсолнуха в раю пальцев.

А неисчерканный воск сгорает в свече.
Пни желания. Зуб в марафонском песке.
Видишь, дождь не греет планета.
Соль для памяти, плавленая табуретка
и пространство шерстяной нитки.

* * *

По дороге подушки,
легкой, неторопливой,
там, где пепел кукушки
между Желей и Живой.

Не постигнет их убыль,
и тебя им не надо,
обитающий в дубе,
открывающий клады.

Так выходят на голос
и приходят сквозь маки.
И завязанный колос
расплетется во мраке.

* * *

Слава камня и слово, что волны одними губами.
Вот вода, вот огонь, кто меняется - непобедим.
Если осень приходит, то лучше вздохнуть берегами.
Одиссея не ищут, а ждут и становятся им.

Кто же здесь уходящий, и кто из двоих остается?
В городах погруженных дельфиний вопрос не затих,
и змее все прозрачней, просторней в колоннах
колодцах,
и пещерных жемчужин слои не быстрее морских.

* * *

Равноденствие средневековья, латыни озимь.
К счастью, туда не шлют из Китая чая.
Шершавой душе под дождем, ударяя оземь,
долго идти, за себя одну отвечая.

Нищий кипрей, апрель-оборванец, камень,
вылинявшая сталь, голова больная квартала.
Пробивает бумагу алмаз, и стекло - лепестками.
Нити сухой благодарности разве мало.

* * *

Вот этот мир, раскрывающий зерна.
Дудка для сна, муравьиная куча.
Ты поклянешься на книге озерной,
что ни огонь, ни вода не наскучат.

Голос тряпичный у изголовья,
шахматный день над кувшинами Крита,
трубами, волнами, кровлями, кровью
тихо ведущий к губам приоткрытым.

Вот он, внезапный, пристальный, здешний,
что не пустеет, а только гибнет,
что соберешь, наклонившись поспешно
над невесомым,случайным изгибом.

* * *

Голову запрокинь - компас, корма, руль.
Где не мешает цвет - к ним прирастает соль.
Бочкой пространств сырых в числах стоит нуль,
и ручеек секунд быстро втекает в ноль.

И на лидийском песке надпись: "Дано: мир".
Флейта - предел дыханья схваченной целью стрелы.
К морю они идут, их отпустил Кир
от круторогих столов, от золотой золы.

Вещи не опустеют - разве что взгляд на них.
Воздух крепнет всегда к возвращенью птиц.
Он безоружнее сна - оставивший нас одних.
Эхо ртути, восход стрекоз, различенье лиц.

* * *

Лилия, двери скрип, чайка и торт.
Психологический опыт хромой справедливости.
Мало подумав, ввести в невесомый порт,
легкой тревоги косточки бросить вырасти.

Так и летают над городом занавески твои
и догоняют, спохватываются, часто ненастоящие.
Локон эффектный, вечность, механические соловьи,
двери, пороги - занозы в ладонях от ящика.

Вкатывать в гору слова. Там улыбка песка
и терпеливый дождь на подоконнике стерео.
Иглы, прощение снега, легкие облака.
Ты за час до конца света посадишь дерево.

* * *

Мой пешеходный сон я не клянусь тобой
медленным дымом распространенным сердцем
долго и безраздельно коричневый и голубой
в сторону воды и комариной дверцы

Утренних стен угасает граненый слух
эхо идет вдоль стен выше нагни порог
это - нашествие воздуха разделенный пух
к падающему песку выдвинутый поперек

* * *

Перегнишь через тень, полированный дождь,
подхвати плавником осторожную мышь.
И обратный огонь, и вечерняя ложь -
это лестницы шаг до мерцающих крыш.

А в прохладном затылке стоит тишина
и луна ударяет о берег хвостом.
Ведь она ничего никому не должна,
и ей это прекрасно известно притом.

* * *

И стать дождем у церкви деревенской,
на чьей оси вращается селенье.
Колоколов и самолетов полный,
не встанет воздух в крипте на колени.

И журавлиный клин дороги ночью,
что склоны винограда облетает.
Кто не оставил след, тот не вернется.
И где леса - стена еще пустая.

И разве мне оставлен этот голос,
всегда не тем доставшийся подарок.
Не ожидая и не называя,
сжимая камень в точке встречи арок.